

На следующее утро Чжоо Чэнь уже во второй раз уходил из квартиры Чжао Синчуаня. Садясь в автобус, он невольно коснулся пальцами сложенного вчетверо листа бумаги в кармане брюк.

Это было их соглашение.

Юноша едва заметно усмехнулся. Теперь он — домашний кот, купленный Чжао Синчуанем за три миллиона, вот только новоиспеченный хозяин почему-то вовсе не спешил ограничивать его свободу.

Этот человек не установил никаких жестких рамок. Он даже не покушался на рабочее время Чжоо Чэня, требуя лишь одного: появляться по первому зову. Чем именно они будут заниматься при встречах, Синчуань тоже не уточнил. Лишь сухо обронил, что каждый такой визит спишет пять тысяч из общего долга. А если Чжоо Чэнь не сможет прийти — что ж, срок выплаты просто сдвинется на более поздний срок.

Невероятное благодушие. Подобные джентльменские соглашения работают лишь среди тех, кто скован цепями морали и совести.

Впрочем, одно твердое требование Чжао Синчуань все же выдвинул: больше никаких представлений, подобных тому, что разыгралось той ночью. Он наотрез запретил Чжоо Чэню притворяться перед ним и уж тем более — приближаться без спроса.

Ах, Чжао Синчуань.

Интересно, догадывался ли этот холодный господин, насколько притягательным становится его лицо, когда к щекам приливает эта едва заметная, смущенная краска?

«Генеральный директор Чжао, а вы, оказывается, жуткий скромник» — вспомнил Чжоо Чэнь свои вчерашние слова. В тот миг он нарочно сократил дистанцию, упиваясь секундным замешательством мужчины, его вспыхнувшим гневом и тем, как одеревенели широкие плечи под дорогим пиджаком. В этом сбивчивом, судорожном дыхании Чжоо Чэнь находил какое-то странное удовлетворение, граничащее с жаждой.

Чем отчаяннее Синчуань твердил «не смей ко мне приближаться», тем яснее Чжоо Чэнь понимал: его близость имеет для этого человека слишком особое, почти пугающее значение.

Понимает ли генеральный директор, что чем бережнее пытаешься защитить вещь, тем быстрее ее теряешь?

Чем она ценнее и чище, тем сильнее искушение взять ее в руки и перебирать пальцами, пачкая безупречную поверхность.

Чжоо Чэнь лениво откинулся на сиденье автобуса. За окном вовсю сияло высокое осеннее

солнце, заливая золотом шумные, суетливые улицы. Мимо тянулись бесконечные толпы прохожих — обычных, погруженных в свои заботы людей.

Еще месяца три назад он отчаянно хотел стать одним из них. Сбежать от кошмаров прошлого, раствориться в этой серой, обывательской рутине и обрести наконец покой.

Но сейчас все складывалось гораздо лучше.

«Хуже уж точно не будет», — лениво подумал Чжоо Чэнь, и перед глазами на миг промелькнул образ далекой Деревни семьи Ян. Любое место на этой земле было сущим раем по сравнению с той глухоманью, где ему не повезло родиться.

Режиссер Фан Юйхуа сидел в своем кабинете, в сотый раз перелистывая потрепанный сценарий. Это было новое творение его старого соратника Чжань Жуй. Они работали бок о бок почти тридцать лет; добрая половина картин Фана была снята по текстам Чжаня.

И следующий год не должен был стать исключением.

Дверь с шумом распахнулась. В заваленный стопками книг кабинет вошел Чжань Жуй. Окинув взглядом творческий беспорядок, он разочарованно нахмурился:

— И где он?

— Не кипятись, время еще не подошло, — миролюбиво отозвался Фан Юйхуа, не отрываясь от чтения. — Ты вечно прибегаешь ни свет ни заря.

Чжань Жуй фыркнул, уселся на выдавший виды кожаный диван рядом с рабочим столом и закинул ногу на ногу.

— Я же говорил тебе: не надо никого искать. Никто не сыграет эту роль лучше него. А ты все не верил.

— Если бы ты сразу признался, что писал главного героя прямо с него, я бы и не тратил время на других кандидатов.

Чжань Жуй лишь недовольно поморщился. Он взял со стола свежееотпечатанный экземпляр сценария и открыл титульный лист.

Там значилось: «После ветра и дождя».

Это была история любви двух мужчин, разворачивающаяся на фоне бурных событий прошлого века в Китае. Чжань Жуй не любил громких слов об «общественной морали» или «просвещении», но, выводя строчку за строчкой, он надеялся, что этот фильм заставит людей стать хоть немного терпимее к тем, чьи чувства не укладываются в привычные рамки.

На будущий год как раз намечалось всенародное законодательное собрание. Чжань Жуй всей душой надеялся, что закон о легализации однополых браков наконец примут. Чтобы любящим друг друга людям больше не приходилось ютиться под сухими формулировками «партнерских соглашений», а можно было с гордостью получить заветное красное свидетельство.

У Фана Юйхуа изначально были другие творческие планы, но, прочитав этот сценарий за одну ночь, он без колебаний отложил собственный проект в долгий ящик.

Когда Тай Нин — студентка и по совместительству ассистентка режиссера — привела Чжоо Чэня в кабинет, мэтры были увлечены яростным спором. Обсуждение реплик больше походило на откровенную грызню: два пожилых человека орали друг на друга во всю глотку, совершенно не обращая внимания на окружающих.

Тай Нин не решилась их перебивать. Густо покраснев от неловкости за своего наставника, она шепотом завела разговор с Чжоо Чэнем.

— Они всегда так, — смущенно улынулась девушка. — Не обращай внимания, сейчас выпустят пар и успокоятся.

Чжоо Чэнь понимающе кивнул.

— А кто этот второй? — тихо спросил он, кивая на разгоряченного спорщика.

— Наш сценарист, господин Чжань Жуй. Тот самый сценарий, на который ты пробуешься, — его рук дело.

Чжоо Чэнь сощурился, пристальнее вглядываясь в лицо пожилого мужчины. Он едва заметно улыбнулся.

Вот так встреча. Тот самый странный молчаливый посетитель, который целых два месяца каждый вечер приходил в бар слушать его песни, оказался известным сценаристом.

Тем временем спор достиг апогея. Речь шла об отношении главного героя к любви. Чжань Жуй горячился, доказывая, что персонаж — человек с самого низа социальной лестницы, а потому его чувства не могут быть демонстративно-смелыми, да и в любви он никогда не признается напрямую.

Фан Юйхуа стоял на своем: в момент признания герой должен находиться на грани полного

ментального краха. Долгое время подавляемые эмоции обязаны прорваться яростным, прямолинейным потоком. Обычным, простым языком — ведь другого шанса высказаться у него попросту не будет.

Старики уже тяжело дышали, их лица покраснели, и они напоминали двух медведей, сошедшихся в мертвой хватке на узкой тропе.

Вдруг Фан Юйхуа резко обернулся к Чжоо Чэню и в лоб спросил:

— А ты? Как по-твоему, что такое любовь?

Вопрос застал Чжоо Чэня врасплох. Он тихо повторил про себя это слово, но в его интонации не было ни капли романтического трепета. Он лишь коротко и цинично усмехнулся.

— Любовь? Да полная херня.

«Любовь — полная херня», — подумал он. Она способна лишь украсить и без того благополучную жизнь, но никогда не протянет руку помощи тому, кто задыхается на самом дне. Любовь — это просто груда разбитых осколков.

В кабинете повисла звенящая тишина. Два признанных мастера отечественного кинематографа застыли, во все глаза уставившись на юношу.

Осенний свет, лившийся из окна за спиной Чжоо Чэня, окутывал его фигуру сияющим ореолом, оставляя лицо в глубокой тени. Эта игра света размывала черты, делая его облик почти нереальным, а небрежная, холодная улыбка на губах заставляла сердце сжаться от какого-то странного, щемящего предчувствия.

Он казался одновременно и всеведущим божеством, познавшим тщету бытия, и капризным, упрямым ребенком, который назло всему миру готов вывалиться в придорожной грязи.

— Вот! Именно! — выдохнул Чжань Жуй, словно замороженный. — Для него любовь — это пустое слово. Она не накормит его досыта, не согреет теплой периной и не принесет тех несчастных сотен юаней, что он зарабатывает пением.

Чжоо Чэнь удивленно приподнял бровь.

— Главный герой — ресторанный певец?

Чжань Жуй сделал шаг вперед, впервые оказавшись так близко к живому воплощению своего персонажа. Он жадно вглядывался в лицо юноши. Необычайно бледная, чистая, словно тончайший фарфор, кожа Чжоо Чэня приковывала к себе взгляд. Идеальная линия лба,

глубокие, бездонные глаза, безупречно прямой нос, четко очерченные скулы и мягкие, чувственные губы — в его лице не было ни единого изъяна.

Но по-настоящему гипнотизировал его взгляд — безмолвная драма, сквозившая в каждом движении ресниц, природный, хрупкий надлом, который невозможно сыграть. Этот мальчик был рожден для того, чтобы жить под прицелом кинокамер. Его место — на огромном экране.

— Ты невероятно красив, — не удержался от восхищенного вздоха сценарист.

Чжоо Чэнь прекрасно знал цену своей внешности. Еще в школе благодаря этой смазливой мордашке он бесплатно получал лепешки в лавке у дома. Именно тогда он уяснил простое правило: если умело играть на чужих чувствах, вызывать симпатию и жалость, мир сам принесет тебе все на блюдечке.

Он давно научился безошибочно распознавать чужие взгляды. Он сразу видел разницу между похотливым желанием затащить его в постель и чистым, эстетическим восторгом. Чжань Жуй относился ко второй категории.

Поэтому Чжоо Чэнь спокойно, без капли ложной скромности ответил:

— Спасибо.

Сценарист отступил на шаг и протянул руку.

— Чжань Жуй.

— Чжоо Чэнь.

Обменявшись рукопожатием, Чжань Жуй резко схватил свой сценарий и направился к выходу. Напоследок он бросил Фану Юйхуа лишь три слова:

— Я все перепишу.

Режиссер даже не попытался его остановить. Он лишь жестом пригласил Чжоо Чэня присесть и крикнул ассистентке, чтобы та заварила чай.

— Я обещал дать тебе шанс, — заговорил Фан Юйхуа, устраиваясь поудобнее. — Но ты должен понимать: актерское мастерство — это не просто кривляние перед камерой. Тем более когда речь идет о моих фильмах. Бездарностей на экранах сейчас пруд пруди, меня от них тошнит. Не скажу, что я уже утвердил тебя на роль, так что придется попотеть.

— Я понимаю, — Чжоо Чэнь почтительно наклонил голову. Он быстро соображал: чтобы закрепиться в этой индустрии, ему жизненно необходим авторитетный покровитель. — Мне еще многому нужно научиться, учитель Фан.

Услышав обращение «учитель», режиссер довольно прищурился. Мальчишка оказался не промах — сразу смекнул, как подлизаться к мастеру и обзавестись надежным тылом.

— Не торопись, ты еще не сдал вступительный экзамен.

Фан Юйхуа поднялся и подошел к забитому до отказа книжному шкафу. Он ловко лавировал между полками, то нагибаясь, то вытягиваясь во весь рост — и не скажешь, что этому человеку пошел восьмой десяток.

Тай Нин бесшумно вошла в кабинет, поставила перед Чжоо Чэнем чашку ароматного чая и, заговорщицки подмигнув, шепнула:

— Привет, младший соученик.

После чего, тихо хихикая, выскользнула за дверь.

Ей не терпелось поделиться этой новостью. Пальцы девушки так и летали по экрану телефона, отправляя сообщение в групповой чат под красноречивым названием «Зуд».

В чате пока царило молчание, но Тай Нин не расстроилась. Все остальные участники группы, кроме нее, были людьми праздными и свободными, так что ответ не заставит себя ждать. А пока пусть помучаются любопытством.

Она устроилась за столиком у двери, собираясь продолжить работу над диссертацией, но краем уха все равно прислушивалась к происходящему в кабинете.

«Младший соученик», — с легким злорадством подумала Тай Нин, — «надеюсь, у тебя крепкие нервы. Наш старик только с виду такой благодушный, а на съемочной площадке он суший дьявол!»

<http://bllate.org/book/18248/1749519>